

словами, ему просто мешают познавать. Политика, экономика, культура, а в последнее время даже наука – во всех этих отраслях «шпар» заменяет какие-то сущностные отношения. Правила традиционной логики для такого руководства совсем не достаточны именно потому, что они не учитывают содержательную сторону познания. Современная эпистемология добродетелей (Л. Загзебски, Дж. Байер, С. Робертс и У. Вуд) тематизирует понятие интеллектуальных добродетелей, или превосходных познавательных качеств, введенное еще Аристотелем. К таким добродетелям, например, относят любовь к знанию, интеллектуальное милосердие, интеллектуальную храбрость, открытость к новым идеям, интеллектуальную честность, интеллектуальную добросовестность и др. Обладание перечисленными добродетелями приносит интеллектуальное благо самому субъекту познания.

Но есть и такие добродетели, которые «направлены» на других. Это, например, добродетели хорошего педагога. Интеллектуальные добродетели не являются подвидом моральных добродетелей, и они не относятся к тому, что у нас принято называть этикой познания. Когда мы говорим об этике познания, мы имеем в виду, что наши обычные моральные понятия должны действовать в области познания. Например, если красть – нехорошо, то и присваивать чужие мысли без ссылки на первоисточник тоже плохо. Интеллектуальные добродетели не делают нас более моральными в этом смысле. Они просто помогают нам лучше познавать.

Интеллектуальным добродетелям соответствуют интеллектуальные пороки. К последним относят догматизм, суеверие, интеллектуальную лень, интеллектуальную трусость и т. д. Воспитание интеллектуальных добродетелей важно не само по себе, а для того, чтоб сделать более эффективными наши познавательные практики, например, чтение текстов, научную полемику, образование. Исследователи отмечают, что современный субъект для того, чтобы успешно осуществлять познавательную деятельность во враждебной интеллектуальной среде, должен обладать всей совокупностью интеллектуальных добродетелей.

УСПЕХ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ: ПУТЬ ВПЕРЕД ИЛИ НИКУДА?

В.А. Каюков

*Что можешь ты <Мефистофель> пообещать бедняге:
Дать упоенье славой, дать почет,
Успех, недолговечней метеора?
И.В. Гете «Фауст»*

В современном обществе категория жизненного успеха стала целью целей. Люди стремятся к успеху любыми путями, не обращая внимания на многие, на первый взгляд, отжившие старые духовные нормы и правила. И это не случайно: разогнавшийся темп жизни современного человека требует от индивида быть максимально быстрым и собранным, максимально активным и макси-

мально сильным (очень схоже с девизом спортсменов на Олимпийских играх — *Citius, Altius, Fortius!*). И такой современный человек-спортсмен в повседневной жизни должен каждую минуту побеждать во всем и достигать любых целей. Только будучи таким, он будет признан обществом успешным человеком.

Можно говорить о двух видах успеха: объективном и субъективном. Первый будет определяться такими характеристиками, как сумма накопленного капитала, размер личной ежемесячной прибыли, количество получаемых дивидендов, процентов и пр. Второй вид успеха есть внутреннее ощущение самим человеком правильности своих поступков, суждений и дел. Видно, что данные два вида успеха могут быть в одном индивидуе в полном единении, но, что чаще, они выступают диссонансом друг другу и являются противосложениями внешнего мира финансов внутреннему духовному миру человека.

Действительно, можно ли назвать успешным человека, который не достиг стремительно высоких постов и не имеет постоянной личной миллионной прибыли? На первый взгляд, конечно, нет. И то, что у человека есть дом, семья, работа в современной концепции достижения суперуспеха не может признаваться успехом. Скорее, успешным человеком будет признан карьерист, стремительный лидер, финансовый гений. Но при всеобщих аплодисментах и овациях такому человеку за его лицевой стороной остается в тени путь к вершинам славы. И неизвестно, чиста и прекрасна данная дорога к Олимпу социальных отношений или на ней и дышать нельзя.

В жизни каждому из нас требуется подтверждение от других людей правильности своих поступков: когда нас ободряют, мы становимся чуть решительнее, смелее и интереснее. Это двусторонняя связь между человеком и окружающим обществом. Но в процессе стремительной потери социальной идентичности в новейшем времени, как нам кажется, личный стиль и индивидуальный вкус, с помощью которых можно истинно определить, объективный уровень социального успеха, почти исчезли. А ведь еще в 1994 году А.И. Солженицын с горечью предвидел потерю русским народом таких качеств, как «открытость, прямодушие... долготерпение, долговыносливость, непогоня за внешним успехом» [1, с. 175].

Современное понимание успеха — это деньги. Но такой утилитаризм есть фантом и призрак блага. После достижения цели человек, нацеленный на финансовый успех любой ценой, неизбежно окажется перед пессимистическим вопросом «зачем все это было?».

Литература

1. Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века / А.И. Солженицын // Новый мир. — 1994. — №7. — С. 135 — 176.